

УДК 323(470+571):316

Л.Г. Бызов
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦВЕТА НОВОРУССКОГО ПРОТЕСТА

БЫЗОВ Леонтий Георгиевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН. E-mail: leontiy13@mail.ru.

Конец очередного избирательного цикла зафиксировал новое состояние российского общества, для которого характерна повышенная социально-политическая турбулентность. По мнению автора статьи, она связана с распадом негласной коалиции между умеренной, государственнической частью либерально ориентированных элит и запросом российского большинства, направленного на укрепление государства и его бюджетной сферы, гарантии выживания низкорентабельным секторам экономики и социальные гарантии. Если эта коалиция отсекала от притязаний на власть радикалов различной ориентации (союз центра против радикалов), то в новых условиях снова оказалась востребованной «улица». Автор размышляет о перспективах различных политических сил в новых условиях, о возможности формирования новых идейно-политических направлений.

Ключевые слова: системные либералы, несистемные либералы, консервативное большинство, политическая система, левые националисты, правые националисты, мобилизация, оранжевая революция, средний класс, общественный запрос, политическая система.

Волна общественно-политической турбулентности, которую многие предсказывали последние три-четыре года, стала важнейшим фактором российской внутренней политики. На Болотную площадь и проспект Сахарова вышли около 100 тыс. человек, объединенных неприятием путинского политического режима. Важнейшим вопросом являются не столько конкретные поводы для прорвавшегося возмущения, сколько репрезентативность этой новорусской стихии, на какие слои общества, идеи и ценности она ориентирована. Идет ли речь об отечественном варианте «оранжевой революции», на что сразу же стали намекать власти, или это начало «национальной революции», как полагают некоторые эксперты по «русскому вопросу»? Готова ли поддержать ее российская глубинка, или же мы снова движемся к ценностному расколу между «продвинутым» средним классом мегаполисов и консервативным русским ядром, не готовым к сахаровскому сценарию политических и социальных перемен?

На фоне этих вопросов не столь важно, имели ли место фальсификации на парламентских выборах и насколько они были масштабными.

© Бызов Л.Г. , 2012

Конечно, не вызывает сомнения, что фальсификации и использование административного ресурса были, особенно в национальных республиках, а также на отдельных избирательных участках даже в крупных городах.

Но это является привычной практикой, которая была в определенной степени учтена в прогнозах, и она вряд ли вышла за пределы того, что имело место на предыдущих выборах. Можно в этой связи предположить, что «честный» результат «Единой России» составил бы цифру 40–43%, что тоже немало. Однако качественная составляющая электорального ядра партии власти существенно изменилась. Из партии, выражавшей в первой половине нулевых интересы российского среднего класса и примыкающих к нему снизу и сверху групп общества, она превратилась в партию патерналистски настроенных групп, потеряв поддержку значительной части наиболее активных и экономически независимых слоев, в том числе городской образованной молодежи. В то же время ее продолжают поддерживать срединные и самые многочисленные группы общества — провинциальные бюджетники, работники предприятий с невысокой рентабельностью, т. е. те, кто выбрали за годы правления нынешнего политического режима из беспросветной нужды и приобрели необходимые гарантии, но и не стали новым средним классом, оставаясь зависимым от государства в целом и от своего непосредственного начальства в частности. Так было и в начале 1990-х гг., когда против политического доминирования КПСС выступил городской средний класс, а российская глубинка скорее отмолчалась. Демонстративное дистанцирование кандидата в президенты В.В. Путина от ЕР полностью оправдано — сегодня эта партия не объединяет различные слои общества вокруг нового курса Путина образца начала нулевых, она стала сугубо охранительной, консервативной. Это не платформа для национального лидера, ведущего страну вперед.

Что касается новорусского среднего класса, то его резко возросшая протестная активность тоже вполне понятна. Во-первых, он во многом стал представлять новые поколения россиян, которые не пережили в сознательном возрасте «травмы 90-х» и для которых социально-политическая стабильность из однозначного блага («все перемены к худшему») превратилась в ограничитель вертикальной мобильности, тормоз в успешных карьерах не столько в политике, сколько в бизнесе, управлении, науке, других сферах деятельности. Во-вторых, особенно в крупных городах, новорусский средний класс экономически и социально укрепился и уже может обойтись без протекции государственного чиновничества, которое стало восприниматься им как многоглавый государственный рэкетир, воплощение социального зла.

Своего рода спусковым крючком для качественного скачка в масштабах и интенсивности давно зреющих протестных настроений стала пресловутая рокировка правящего тандема, за которой угадывалась перспектива многолетнего погружения в застой, дальнейшей монополизации экономики и политики в предельно узком кругу и утраты даже тех социальных ниш, которые стали для этих групп российских элит приоткрываться в период президентства Д.М. Медведева. Уже с весны прошлого года, когда планы тандема стали вырисовываться все яснее, а давление на Медведева с целью заставить его выдвигать собственную кандидатуру, а возможно, и отправить в отставку кабинет Путина оказалось безрезультатным, можно было предположить, что эти группы элит постараются организовать в той или иной форме политический форс-мажор, который затруднит возвращение в Кремль Путина или хотя бы его сильно скомпрометирует. Именно это, в конечном счете, и произошло.

Однако заговор элит, бесспорно имевший место, все же является лишь одной стороной событий декабря 2011 г.

Здесь следует отметить, что до поры до времени вполне успешное президентство Путина было результатом достаточно сложного общественного компромисса, образовавшего так называемое путинское большинство. Компромисс был результатом того тупика, в который зашел процесс либеральных реформ 90-х годов, завершившийся экономическим и политическим дефолтом. Реформы отчетливо выявили неготовность огромной части населения страны, регионов и секторов экономики к «прыжку через пропасть», как называли реформаторы вхождение в агрессивную рыночную среду без всякой государственной подстраховки. Деградация государственных институтов еще сильнее усугубляла ситуацию. В этот период Путиным был найден компромисс между той частью общества, которая нуждалась в передышке и гарантиях, и либеральной частью истеблишмента, зарождающимся новорусским средним классом, который опасался радикального поворота вспять, к государственной диктатуре. Левогосударственническая риторика в этот период органично сочеталась с расцветом олигархического бизнеса, завершением процесса приватизации, правда, под контролем приближенных к государственному кормилу группировок. Идея сильного государства, «поднимающегося с колен», заявляющего о своей субъектности и в российской экономике, и на международной арене, стала основой путинского ценностного консенсуса, в рамках которого союз умеренных левых государственников и умеренных системных либералов противостоял внесистемной оппозиции и слева, и справа, и со стороны националистов. Как свидетельствуют результаты опросов, сам Путин при этом позитивно воспринимался большей частью сторонников практически всех идейно-политических течений, т.е. был и «лучшим демократом», и «лучшим борцом за социальную справедливость», и, конечно, самым лучшим и главным российским патриотом. Монолит «путинского консенсуса» делал безнадежными попытки внесистемной оппозиции выйти из своего маргинального угла и занять место среди уважаемых политиков. Однако недолгое и во многом номинальное президентство Медведева разбалансировало эту благостную для властей картину. Путин из держателя баланса в глазах общества и элит превратился в лидера одной группировки — «силовики», своими аппетитами угрожающих благополучию других многочисленных элитных групп. И сегодня будущее президентство Путина зависит не столько от того, наберет ли он в первом туре свои 50% голосов, а от того, сможет ли он восстановить свои позиции «верховного разводящего». Пока же выпавшие из путинского консенсуса системные либералы ищут себе новых союзников в лице улицы, разношерстной несистемной оппозиции и в носителях стихийного протеста. Отсюда и те процессы, которые, по мнению многих, «так похожи на начало новой русской революции». Как это часто случается в истории, недовольство снизу совпадает с глубоким кризисом сверху и внутриэлитными войнами. Учитывая либеральную ориентацию большей части этих элит и очевидную поддержку со стороны западного, особенно американского, истеблишмента, данное обстоятельство придает сегодняшним протестам некоторые черты «оранжевой революции», и этот фактор используется и будет и дальше использован властью в своих пропагандистских целях.

Современная российская власть впервые на своем веку сталкивается с протестной активностью среднего класса. Пока на митинги выходили пенсионеры, у которых пытались отобрать льготы, потерявшие работу обездоленные жители очередного среднероссийского «Пикалево», или, напротив, деятели типа Э. Лимонова или Г. Каспарова, которые являются

одиозными политиками в глазах подавляющего большинства россиян, власть могла спать относительно спокойно. Теперь ситуация принципиально меняется. И к ней представители власти оказались совершенно не готовы. За годы политической спячки они разучились взаимодействовать с обществом политическими методами. У тех, кто отвечает за выработку и реализацию внутренней политики, в том числе за избирательную кампанию «партии власти», возникло стойкое и совершенно ошибочное убеждение, что все вопросы можно решить с помощью нехитрого, но сверхнавязчивого пиара, с помощью административного давления и административных запретов, грубых манипуляций, а свой «пирог» во власти им дан как пожизненная рента. Эти деятели привыкли бесцеремонно лезть в дела даже оппозиционных политических сил, фактически руководить всей видимой частью политического процесса, вместо того чтобы искать баланс и согласование интересов. Результат подобной порочной практики весьма печален. Официальная политическая жизнь превратилась в «выжженную поляну», которая существует в чисто виртуальном режиме, не будучи способной представлять и выражать интересы реальных общественных групп. Даже на нынешних выборах те избиратели, которые обеспечили численный рост будущих фракций КПРФ, ЛДПР и Справедливой России, вряд ли связывают с этими партиями какие-либо реальные надежды и интересы. Их поддержка так же виртуальна как некогда поддержка двух третей избирателей партии власти, только на этот раз сказались протестные настроения — голосуй за кого угодно, но только не за Единую Россию. Возросшая политическая активность общества, скорее всего, сметет фантомные партии во главе с бессменными на протяжении 20 лет вождями. Сегодня протестные настроения ушли в несистемную оппозицию, на улицы и неизбежно будут подхвачены новым поколением политиков, выращенных улицей. Имена некоторых лидеров нового политического поколения уже на слуху.

К чему же стремится проснувшаяся «улица», и в какие политические цвета окрашен ее протест? Если посмотреть на настроения, доминировавшие «на Сахарова», то отчетливо видна леводемократическая направленность большей части митингующих, где общедемократические лозунги сочетались с озлоблением в отношении олигархов и коррупционеров, «новых богачей». Были освистаны все политики родом из 90-х годов, уже побывавшие у власти и вступившие в конфликт с путинским режимом. Это касается даже Г. Явлинского, который, казалось бы, идейно ближе всего московской разночинной массовке. Постепенно формируется новое поколение «улицы» с характерными чертами А. Навального, Д. Быкова, Е. Чириковой, которых не очень просто привязать к тому или иному идейно-политическому сегменту. Скорее всего, и новые общественно-политические образования, которые в недалеком будущем определяют новый политический спектр, не будут походять на дистиллированных левых или правых, прописанных в учебниках политологии. Впрочем, протесты на Болотной и Сахарова — это тоже еще не вся страна. Население, как показывают опросы, проведенные в январе 2012-го, знать не знает, кто такие Навальный и Чирикова, и чего они хотят. Это не означает, что у русского большинства, живущего в российских регионах, нет своих претензий к власти, и оно не готово к протестной активности. Только вот какой направленности его пока потенциальная активность?

Основной общественный запрос русского большинства в регионах явно направлен в левонационалистическую сторону. По данным ВЦИОМ (2011), либеральный путь развития сегодня готовы поддержать лишь 18% россиян. Гораздо больше тех (62%), кто готов поддержать противоположный — скорее силовой сценарий, который мог бы радикально

обновить российские элиты, политический класс, централизовать ресурсы на решение стратегически значимых задач¹. Однако и это консервативное большинство общества все в меньшей степени связывает свои надежды с нынешним государством и его властными институтами. Учитывая стремительную актуализацию националистической идеи, пусть в относительно мягкой, приемлемой для большинства форме, именно от левонационалистической идеологии можно ожидать статуса наиболее актуальной, способной объединить новорусскую нацию в период ее становления. Это «русское большинство» при всех накопившихся претензиях к путинской власти, все же относится к Путину намного более терпимо, чем к большей части «сахаровских» лидеров, и на предстоящих выборах, вне всякого сомнения, поддержит его. В своих программных статьях в «Известиях» Путин обращается именно к этому провинциальному большинству, говоря об олигархах, разбогатевших на залоговых аукционах середины 90-х и скупающих в Европе футбольные клубы. Но условная поддержка Путина со стороны этой части электората еще не означает, что левонационалистическая повестка будет снята, напротив, время ее еще только начинается. За русских националистов борются и власть, и оппозиция. Власть приглашает на высокую должность в правительстве Д. Рогозина, ее поддерживают ветераны национал-патриотической мысли А. Проханов, А. Дугин и С. Кургинян. Но все более влиятельное молодое направление «революционных националистов» с такими идеологами, как К. Крылов, В. Соловей, С. Белковский — скорее с «сахаровцами». «Новым националистом», «национал-демократом» позиционирует себя А. Навальный. Участвует в «русских маршах» В. Милов. Впрочем, между революционными националистами и либералами возникли и идеологические пересечения, так как национализм первых — это тот национализм, который в европейских странах принято называть «кляйн-национализмом», и который предполагает отказ России от имперско-державной роли, по мнению В. Соловья, «в корне противоречащей глубинным интересам русского этноса». Сегодня «кляйн-националисты», если смотреть на них через призму массовых опросов, — еще политическая экзотика, но все более широкое распространение этих идей среди самой молодой части россиян позволяет ее сторонникам смотреть в будущее с оптимизмом.

А что же собственно левые? Это своеобразный парадокс для «левой» страны, где все без исключения политические партии, включая «правых», в своих программных документах обращаются к социальному популизму. Они в своем чистом виде обречены на маргинальность по той простой причине, что классические левые всегда опираются на горизонтальные механизмы самоорганизации общества, в первую очередь профсоюзное движение. В этом качестве левые противостоят государственному порядку. В нашей же общественно политической практике, в которой никаких горизонтальных связей кроме социальных сетей пока не просматривается, идея социальной справедливости тесно взаимосвязана с идеей общественного порядка.

Понятно, что в любом случае Путин в период своего третьего срока будет политически ослаблен, что даст оппозиции время и возможности для своей переконфигурации, поиска конструктивных идей и новых лидеров, для освоения опыта работы в легальном политическом пространстве. Сегодня же оппозиция еще в меньшей степени готова к взятию на себя ответственности за страну, чем демократы в августе 1991 г., и неподготовленный приход к власти стал бы катастрофой и для них самих, и для страны.

¹ http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=723&q_id=52355&date=15.05.2011.

Таким образом, пока среди множества идейных течений и направлений можно выделить два, способные привлечь на свою сторону значительные силы общества, и конкуренция между которыми могла бы обеспечить политическую динамику как минимум на ближайшие 5–10 лет. Это **левонационалистическая идея**, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости, наведением порядка в сфере межнациональных отношений, и **леволиберальная (социал-демократическая) идея**, делающая акцент на тех же идеях социальной справедливости в пакете с демократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. Сохраняется и даже со временем будет укрепляться своя ниша и у радикальных националистов, и у правых либералов (сторонников свободного рынка), но эти политические силы пока обречены занимать место на флангах политического спектра. Уместно предположить, что формированием, организацией, интеллектуальным оснащением этих идейных направлений и будут заниматься оппозиционные силы, чтобы уже во всеоружии встретить новый неизбежный виток политических перемен.